

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б48

Оформление серии *Алексея Дурасова*

В оформлении книги использованы иллюстрации
Резо Габриадзе

Бердичевская, Анна.

Б48 Аркашины враки / Анна Бердичевская. —
Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-099885-2

Врут даже документы. И Аркаша, заводской художник, выбравший себе в исповедники девчонку-студентку, всякий раз привирает, рассказывая о своей грешной жизни, полной невероятных приключений. И в истории любви Масхары и русской девушки много сочиненного — желанного, но невозможного. И страдает искажением Сережина оценка жены и дочери. И в технике любви, секреты которой раскрывает Профессор своей подруге, больше притворства, чем искренности. Толика лжи присутствует везде. Но вот что удивительно: художественный образ правдивее, чем факт. Четыре повести А. Бердичевской, вошедшие в эту книгу, за счет мастерски созданных художественных образов производят впечатление точного, исторически верного высказывания о жизни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бердичевская А., текст, 2019
© Резо Габриадзе, иллюстрации, 2019
© Оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099885-2

Аркашины
враки

Шумел, горел пожар московский,
Дым расстилался по реке,
А на стенах вдали кремлевских
Стоял он в сером сюртуке...

Николай Соколов

Племя ХО

В прошлом веке, в царствие добродушного, неглупого и бровастого товарища Леонида Ильича Б***, в достопамятную эпоху застоя развитого социализма, на просторах огромной империи жило рассеянное по этим просторам племя художников-оформителей. В основном оно состояло из пьющих мужчин средних лет — от тридцати до шестидесяти. Многие из них в названии своей профессии отбрасывали уточнение *оформитель* и называли себя просто художниками. Иные, напротив, называли себя оформителями и никак иначе. Но в зарплатных ведомостях, под которыми всем им доводилось расписываться, рядом с фамилиями стояло две буквы через косую линейку: Х/О. По внешним признаком «Х» от «О» не слишком отличались, но не по внешним — несомненно. Впрочем, об этом позже. Главное, люди ХО были, а теперь их нет. Как нет и не будет динозавров, саблезубых тигров, мамонтов, метранпажей¹... ХО вымерли. Лозунги и плакаты

¹В эпоху доцифровой, докомпьютерной полиграфии — старший наборщик, верстающий ленту металлического набора в страницы.

АРКАШИНЫ ВРАКИ

даже для стихийных митингов шлепают сейчас на цветных принтерах стандартные непьющие менеджеры, некоторые из которых называют себя дизайнерами. Их бизнес — реклама. И политика с идеологией упаковываются ими тоже согласно рекламным стандартам и расценкам. Ну и ладно. Даже и правильно, пусть идеология с политикой знают свое место.

Но все-таки странно. Люди ХО были такие живые, такие приспособленные к существованию, такие востребованные. И, несмотря на их пьянство и глубокий политический пофигизм, на общем фоне строителей коммунизма они составляли авангард... в каком-то смысле. То есть среди других, мелких и слабо организованных, даже вовсе не организованных представителей советских полутворческих сословий. К примеру, инвалидов в электричках, певших под гармошку или так, а капелла:

Судьба играет человеком, она изменчива
всегда,
То вознесет его над веком, то бросит
в пропасти стыда...

Поющие инвалиды, кстати, выжили, дотянули до нового тысячелетия, но о пропасти стыда ныне не поют. В те давние времена для инвалидов *пропастью стыда* был, похоже, как раз этот наш похмельный и недоразвитой послесталинский социализм. Инвалиды его не любили, не боялись и не уважали. Они любили и воспевали поэтическую старину, любовь с разлукой, воинскую доблесть, бродячую жизнь и тюремную тоску. Пле-

мя же ХО, обласканное властью, кормилось от социалистического миропорядка. И даже от его недоразвитости. Художники-оформители были призваны всемерно способствовать наглядному, хотя бы внешнему доразвитию государственного строя — с помощью ярких и отчетливых образов или восклицаний и призывов (порой неожиданных). Кроме того, наглядная агитация служила для сокрытия ржавчины, дыр в заборах и повсеместно плохой погоды. Так что, хочешь не хочешь, следует признать: все вместе люди ХО в самом деле художественно оформляли эпоху на одной шестой земного шара.

В последнее десятилетие двадцатого века они резко исчезли вместе с эпохой. В восьмидесятые еще были, в девяностые — исчезли. Произошел разрыв в пищевой цепочке вида. Ничего не поделаешь.

Но я... о, я вспоминаю их!..

Автор романа «Евгений Онегин» в первой главе сказал про своего главного героя, что *«...не попал он в цех задорный людей, о коих не су-жу, затем что к ним принадлежу»*. Пушкин имел в виду цех литературный. Что касается меня, то в юные годы в цех задорный художников-оформителей я очень даже попала. Хотя и в виде совершенно непьющей девицы, румяной, как Ольга, и задумчивой, как Татьяна. Началось мое поприще с пятнадцати лет, когда я училась в школе и одновременно работала вместо заболевшей мамы. Мама, человек городской, по образованию архитектор, по профессии театральная художник, после отсидки в тюрьме и лагере потеряла пра-

АРКАШИНЫ ВРАКИ

во жить в родном городе с несколькими театрами. Ей досталось работать художником-оформителем, а иногда и жить в сельских клубах. И вот однажды она поняла, что совсем расклеилась и до пенсии того гляди не дотянет. Я же еще за детские годы к ремеслу ХО пригляделась. И стала потихоньку, вместо матери, писать афиши кино на каждый день и лозунги к праздникам. Правда, писать с ошибками, ввиду крайней задумчивости. Рассеянность была моей подругой от самых колыбельных дней.

В первом из сельских клубов я, пятилетняя, самостоятельно научилась грамоте. Длинные лозунги мама писала на полу сцены или в фойе, она стояла с одной стороны лозунга, а я сидела на корточках с другой стороны и смотрела, как под маминой щетинной кисточкой возникают буквы. Про незнакомые спрашивала — это какая? Так, вниз головой, буквы и выучила. Вместе с загадочными выражениями типа *ЦИОНАЛИЗМ* и *СЛАВАВТРУБУ...* Письменный родной язык в моей голове несколько поломался. Первое слово, написанное мною синим карандашом в мамином блокноте, — *МАШИНА* — получилось у меня с четырьмя палочками в букве *Ш*. С этими познаниями я отправилась в сельскую школу в шесть лет (мама боялась, что к семи я самообучусь настолько, что переучить меня станет совсем уж невозможно). После восьмого класса я перешла в школу вечернюю. Как раз к ее окончанию, в середине весны 1977 года, мы получили письмо из казенного дома.

От таких писем мама в связи с огромным жизненным опытом ничего хорошего не ждала. Но, вскрыв конверт, обнаружила добрую весть: ей,

как реабилитированной, «предоставляется однокомнатная квартира со всеми удобствами по месту жительства до ареста».

Мама давным-давно действительно была реабилитирована, но уже лет десять как перестала ждать от начальства обещанных реабилитацией милостей. И вдруг!

Она сначала обрадовалась до сердцебиения, потом не поверила, снова перечитала бумагу, испугалась перемены жизни и... снова обрадовалась. Даже почувствовала прилив сил.

И вот мы с нею собрались от мира холмов, лесистых увалов, чахлых колхозных посевов, блуждающих в оврагах речушек с пескарями, от деревянных тротуаров и мостков над болотцами, от собственного участка в три сотки на картофельном поле, от двух грядок на общественном огороде, от комнатки в бараке, сложенном из шпал, от дощатых покосившихся сортиров там и сям, от частных бревенчатых домиков, маячивших в окне нашего барака, — решили отбыть навсегда. Чтоб оказаться в мире «со всеми удобствами». Правда, как выяснилось, не вполне по месту проживания до ареста. А в дальнем-дальнем пригороде маминого родного города. В пространстве железобетонных панелей, пустырей, стихийных свалок, котлованов с рыжей водой, из которой торчала ржавая арматура. В апрельскую распутицу мы все это и увидели, отправившись поглядеть на предстоящую жизнь. Ехали из Буртыма долго, с пересадками, потом шли под мелким дождем тоже долго, спрашивали у редких прохожих дорогу к новостройке по адресу улица Магистральная, 21. И наконец увидели на диком пустыре без единого дерева блочную

АРКАШИНЫ ВРАКИ

девятиэтажку. Мама была человеком всегда и несмотря ни на что готовым к счастью, её еще издали приятно поразили лоджии по всему фасаду, причем даже на первом этаже. А нам было известно, что у нас этаж именно первый. Мама немедленно представила, что на своей лоджии мы будем, как на барской веранде, пить чай с гостями...

Сторож в грязных резиновых сапогах, гремя связкой ключей, открыл нам дверь в нашу будущую однокомнатную квартиру. Он велел разуться. Свои сапоги не снял, остался на лестничной площадке. А мы — вошли. На полу блистал рыжий линолеум — материал мне, да и маме, совершенно незнакомый. Но самое сильное впечатление на нас произвела ванна, чугунная, эмалированная. И, конечно же, унитаз. Со ржавыми потеками из бачка, но все-таки.

Мама пошла на лоджию и протяжно присвистнула. Я вышла за нею. Наша «веранда» упиралась в высоченный забор. Понятно, из чего он был сработан — из типовых бракованных железобетонных перекрытий нашего же дома.

— Опять зона, — сказала мама.

В этой «зоне» строился детский садик, через год его планировали открыть. Но мы еще об этом не знали. Да и когда достроили, забор все равно не снесли...

А тогда, посмотрев на маму и на забор, я спросила:

— И что? Что ли, не поедем?..

— Менять шило на мыло?.. — вопросом на вопрос ответила она.

Я знала из школьного курса, что такие вопросы называются риторическими, на них можно не отвечать. Мать вздохнула, покачала головой и пошла на лестничную площадку обуваться.

В середине мая мы переехали.

Городок назывался Уреченск, совсем недавно он был действительно «закрытой промзоной». И вот ее «открыли» и сделали как бы частью областного центра. И стали как бы расширять ее и благоустраивать. Городок получался новее нового, но старел быстрее, чем строился. Правда, и *большая природа* жила неподалеку в виде многокилометровой сосново-березовой лесополосы. В нее иногда лоси из тайги забредали.

За лесополосой тянулась кое-как заасфальтированная стратегически важная трасса, по ней, кроме могучих «МАЗов-КРАЗов-Уралов» и дряхлых довоенных полуторок, курсировали редкие автобусы на станцию Затон, откуда электрички ходили в левобережный, в основном прошловековой застройки, мамин город.

По другую сторону трассы тянулись ветхие дачи. Из дореволюционных летних жилищ зажиточных горожан они еще до Отечественной войны превратились в коммуналки, но и совершенно обнищав, дачи не до конца лишились старинной прелести. Мезонины, коньки крыш, веранды и наличники окон несли на себе остатки жестяных и деревянных излишеств в виде ржавых флюгеров, побитых резных наличников и ба-

АРКАШИНЫ ВРАКИ

люстрад. За штакетниками росли рябины, черемухи, кусты шиповника, золотые шары, а также старые-престарые липы и березы со скрипучими качелями на нижних ветках. За дачами земля заканчивалась, там был обрыв. И могучая река шириной в километр или больше. По ней сновали мелкие катера и лодки с мотором, с воем носились «Ракеты» на подводных крыльях. Медленно, почти незаметно глазу сплавлялись баржи с песком и гравием, и еще медленнее — связки плотов из северной тайги. За рекою едва виднелись заливные луга, еще дальше — увалы за увалами. В двух словах — Западный Урал...

Сам Уреченск, хоть и с большим кинотеатром, и со стеклянными гастрономами, был весь какой-то замороженный, как неумытый воспитанник интерната для трудных подростков. И стеклянные витрины были немытыми, и полки в магазинах, как и везде на Урале, полупустыми, и асфальт щербатый.

Мы стали в Уреченске жить. Не помню, как начали. Слишком бурное выдалось лето. Я готовилась к выпускным экзаменам в своей вечерней школе, потом их сдавала. Дорога из Уреченска в Буртым и обратно с учебником на коленях — вот была моя жизнь. Иногда я оставалась ночевать в Буртыме у школьных подружек или в клубе, в котором продолжала, вместо мамы, писать киноафиши.

Аттестат получила как-то вдруг, потом — экзамены в пединститут, на географический факультет, на вечернее отделение. Поступила. Помню, действительно хотела стать географом. Что-

бы впоследствии путешествовать по миру и хоть что-то в нем понимать.

А пока мне предстояло шесть лет по четыре раза в неделю путешествовать на автобусе до станции ж/д, потом на электричке через ж/д мост. Мост был из прошлого века и стоял на десяти могучих гранитных быках. И пединститут был из прошлого века, с позеленевшим медным куполом.

Уже много лет шло строительство нового автомобильного моста. И маме представлялось, что скоро мы (почти от порога новой квартиры с теплым санузелом) будем ездить без пересадок по новому мосту на автобусе в ее любимые театры, отдыхать в театральных скверах, где клумбы и фонтаны, и навещать друзей маминой юности... И к нам, почти что на природу, они, конечно, тоже станут приезжать. «А пока подождем, — говорила мама. — Обустроиться надо!»

К концу лета у нас появились не только водопроводные краны на кухне и в ванной, но и крючки для полотенец, а в комнате — полки для книг, штора, диван, стол, кресло-кровать. И мы влезли в страшные долги.

В августе маме стукнуло пятьдесят пять — я доработала до ее пенсии, ушла из клуба и — простилась с Буртымом. Надвигалась осень, пора было мне искать настоящую, свою собственную работу поближе к улице Магистральной.

Километрах в десяти к северу от нашего дома беспрестанно выдувал в небо разноцветные дымы Уреченский химический завод. Там требовались аппаратчики химпроизводства, слесари, электри-